

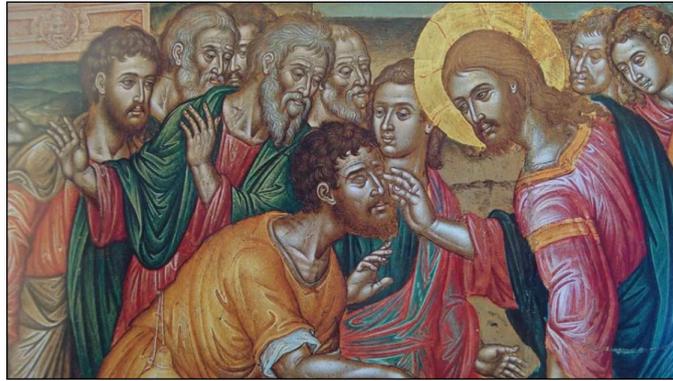
Господь проходил мимо врат храма, у которых обычно толпились нищие, ожидавшие милостыни от прохожих. Среди нищих был один слепец – «слепой от рождения». Наша земная жизнь, дорогие, удручена бедствиями, но среди них трудно себе представить более великого и тяжкого бедствия, чем слепота. Слепой слышит разговоры окружающих его людей, слышит их радость о красоте окружающего их мира, и страдает, ибо для него весь мир погружен в непроглядную ночь, он с опаской бродит во тьме этой ночи, ощупывая каждый предмет, чтобы не споткнуться и еще более не искалечить себя.

Вот и теперь, услышав необычайный шум около храма, спотыкаясь, слепой пробирается вдоль стены к тому месту, где находился необычайный Учитель, молвою о необычайных чудесах Которого гремел весь город. В это время мимо него проходил с учениками Христос. Он устремил Свой Божественный взор на этот редкий пример слепоты – от рождения. Ученики, предполагая, что их Учитель, устремив Свой взор на слепца, был занят мыслью о причине слепоты несчастного, спросили Его: «Равви, кто согрешил, он или родители его, что родился он слепым?»

Дорогие мои, не всякое бедствие бывает результатом греховности или нечестия, не все бедствия являются ударами карающей десницы Высшей Правды. Есть и такие бедствия, которые служат или проявлением высшей Любви, направляющей свои удары с целью спасающей милости, или орудием высшего промышления о торжестве Истины над ложью.

История Многострадального Иова отчетливо свидетельствует, что праведный Иов подвергся жесточайшим бедствиям не за тайный грех, личный или его родителей, а потому, что его праведность была избрана Богом, как орудие для посрамления клеветы «отца лжи».

Так было и в данном случае: слепец родился слепым не за грехи родителей, нет, но «для того, чтобы на нем явились дела Божии». Продолжая громко беседовать с учениками, Христос разъясняет им, что Он на то и послан Отцом, чтобы совершать дела Божии, ибо Он есть «Свет миру». Эту беседу Христа с учениками не мог не слышать слепец. До сего приходилось ему слышать только такие рассуждения о себе, которые лишь удручали

бедственное состояние его души, и вдруг до его слуха доносится иное рассуждение – оно звучит для него любовью и милосердием. И Сердцеведец не томит его ожиданием: Он сделал брение из плюновения, помазал им глаза слепого и сказал: «пойди, умойся в купальне Силоам». Эта купальня находилась довольно далеко от храма. Он «пошел, и умылся, и пришел зрячим».

Совершилось великое чудо, от которого пришел в смятение весь город. Этот нищий слепец хорошо был известен всему Иерусалиму. И он не умолчал о совершившемся над ним чуде, он всюду свидетельствовал Кто и как исцелил его. Тот Самый Иисус, на Которого книжники и фарисеи только что бросали камни, совершил поразительное бесспорное чудо!

И вот разыгрывается сцена, каковую наблюдаем мы часто и в наш так называемый «просвещенный век»; эта сцена представляет поразительный пример того, до какой степени может дойти духовное ослепление людей, когда они злонамеренно закрывают свои глаза на то, чего они, в своих ложных интересах, не хотят видеть.

Самый предмет чуда – бывший слепец от рождения – стоит перед книжниками и фарисеями. Казалось бы, им остается только признать факт великого знамения и возблагодарить Бога. Но для этого нужно было смирить свою гордость, осознать свое духовное убожество и заблуждение, а это было слишком тяжело для их «ученого» эгоизма, ложно понимаемого пророчества о Мессии, и потому решили они, во что бы то ни стало, опровергнуть достоверность великого чуда, даже ценой попрания своей совести, очевидности и законов логики. К чему только ни прибегали фарисеи и книжники: они допрашивают родителей исцеленного, несколько раз вызывают самого бывшего слепца от рождения, спрашивают его

о своем Благодетеле, настаивая на том, чтобы исцеленный сказал, что Иисус – грешник, что не от Бога Он. Всякий, кто осмеливался признать Иисуса Мессией, был проклинаем и отлучался от синагоги. Но исцеленный слепец не поддавался запугиваниям, явив пример подлинного мужества.

«Мы знаем, что человек тот (Иисус) грешник», – говорят ему фарисеи, и «не знаем, откуда Он». – «Грешник ли Он, я не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу... и удивительно,

что вы не знаете, откуда Он... Мы знаем, что грешников Бог не слушает... Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего», – решительно ответил исцеленный книжникам и фарисеям. – «Во грехах ты родился», – яростно закричали вышедшие из себя ученые книжники, – «ты ли нас учишь?» И выгнали его вон.

Вот до чего доводит неизбежно неверующее упрямство, не желающее признать Христа Спасителем мира, отвергающее истину участия Бога в жизни человека и народа. Упорное неверие не признает даже того, что оно видит и осязает.

Эта евангельская картина является зеркалом, в котором и в 20м веке могут видеть себя все отрицатели Христа, критики, неверы и гонители Церкви. У них против Христа и против Церкви его одно оружие – это: искажение Евангелия и ложь, запугивание страхом, насилие и преследование.

Изгнанного из собрания и отлученного от синагоги зрячего недавнего слепца должны были теперь все избегать, соприкосновение с ним и общение рассматривались, как осквернение. Но если оставили его люди, не оставил его Бог. Услышав о его отлучении, Христос Сам нашел его и укрепил его веру. Глядя на Христа своими прозревшими глазами, недавний слепец радостно воскликнул Ему – Свету мира: «Верую, Господи!» и поклонился Ему.

В нынешнем повествовании об испытаниях, пережитых слепорожденным и родителями его, как бы начертан тот путь, по которому идем и мы с вами, дорогие, и весь наш верующий православный народ, не перестающий в своем крестоношении сохранять верность Христу, и воспевать: «Кто Бог великий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса».

Епископ Митрофан (Зноско-Боровский)

Сегодня нередко можно услышать критику в адрес «библейской критики», и она бывает обычно справедлива. Только не всегда при этом уточняют, что речь идет о методах примерно столетней давности, которые в чистом виде давно уже практически никто не использует. С другой стороны, игнорировать все ее положения сегодня тоже мало кому удастся. Но что такое эта самая «библейская критика»? Действительно ли она направлена на подрыв авторитета Писания? Сохраняет ли она какое-то значение сегодня?

ДИТЯ РЕФОРМАЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Библейской критикой принято называть определенное направление в библеистике, которое возникло в XIX веке, хотя отдельные его элементы появились намного раньше. В целом можно сказать, что дорогу ей проложили Реформация и Просвещение в Западной Европе, которые привели к тому, что Библию стали читать не только в церкви и не только на непонятной латыни. Писание становилось доступным для всякого грамотного человека. А если Библия читается, то она и переводится, и издается, и толкуется – и для протестантов нет уже единого авторитета римского папы или Собора, обязательного для всех. Значит, должны постепенно появиться какие-то принципы толкования и изучения текста, которые смогут применить к одному тексту разные люди и получить похожие результаты.

В частности, подготовка печатных изданий Библии в XVI в., в особенности полиглотт (параллельных изданий на разных языках), привела к тому, что издатели стали сравнивать меж собой различные библейские рукописи на языках оригинала и в переводах и замечать в них явные расхождения. Им пришлось определять, какие именно варианты могут считаться наиболее достоверными, и как объяснить происхождение остальных вариантов. Так возникла текстология, или текстуальная критика. Вставал вопрос и об адекватности различных переводов, а значит – о тонкостях филологического анализа текста. Так в трудах Эразма Роттердамского (XV-XVI вв.) и других ученых постепенно выработывались понятийный аппарат и методология гуманитарных дисциплин, которые известны нам сегодня. А главное, так зарождался критический подход к Библии – то есть отношение к ее тексту как к объекту рационального логического анализа.

Но если оказывается, что сам оригинал Библии не дошел до нас неповрежденным (пусть даже эти повреждения касаются ничтожной доли текста) то, по-видимому, можно задуматься и об исторической критике текста – исследовании истории его происхождения, его анализу на фоне культурно-исторического контекста, неодинакового даже для разных книг Библии, и уж тем более отличного от мира, в котором живет читатель. К тому же, в эпоху Просвещения все больше мыслителей не склонны были ограничивать себя традиционным церковным вероучением. Соответственно, Библия для них – уже далеко не абсолютный авторитет, но материал для исследований. Интересен не столько сам ее текст, сколько исторические

ЧТО ТАКОЕ «БИБЛЕЙСКАЯ КРИТИКА»?

события, стоящие за этим текстом, которые и надо реконструировать. В этом – основной пафос классической библейской критики.

ВНУТРЕННИЙ ОПЫТ И «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИИСУС»

Особую роль здесь сыграла либерально-протестантская экзегеза. Католические, а затем и православные богословы могли перенимать (как правило, медленно, осторожно и лишь до некоторой степени) одни их идеи и отвергать другие, более радикальные, но их реакция была по преимуществу именно что реакцией на идеи протестантов. Слово «либерализм», конечно, используется очень широко, но здесь оно обозначает конкретное течение внутри протестантизма. Кстати, в католицизме подобное движение, возникшее в конце XIX в., обычно называется не либерализмом, а модернизмом. Говоря упрощенно, можно сказать, что эти движения основывались на деизме (представлении о том, что Бог, сотворив этот мир, уже не вмешивается в его существование), философии И. Канта и его последователей, затем – на позитивизме (учении, отдающем эмпирическому опыту безусловный приоритет над умозрительными построениями). В наиболее радикальном виде положения этого направления изложил в середине XIX в. А. Ричль. Суть его позиции в том, чтобы, решительно отказавшись от всякой метафизики и мистицизма, и в то же время прислушиваясь к собственному внутреннему опыту, изучать библейский текст в поисках важных истин нравственного и богословского характера. Признать ли Иисуса Сыном Божиим – личный вопрос для каждого, такое признание вовсе не требуется для того, чтобы следовать его этике.

Разумеется, не все представители либеральной школы разделяли все идеи Ричля, даже, к примеру, его известнейший ученик А. фон Гарнак. Собственно, сама суть либерального направления и состоит в том, чтобы не иметь никаких общеобязательных догм, поэтому мы можем говорить лишь о некоторых характерных для него идеях, которые в разной мере разделялись разными людьми. С точки зрения Ричля, высшая реальность постигается не разумом, а нравственным чувством, а откровения свыше как непосредственного возвещения воли Божией, не существует. Все религии, не исключая и христианства, возникли и развивались по своим собственным законам, которые следует изучать, как изучаются другие исторические процессы – собственно, этим в основном и занималась ранняя библейская критика.

На основе принципов либерализма в Геттингене на рубеже XIX-XX вв. возникла «Школа истории религий» – неформальный кружок близких по духу библеистов. Они предлагали отказаться от попыток выстроить на основе Библии некую богословскую схему, а вместо этого заняться созданием истории религии Израиля, которая развивалась примерно по тем же законам, что и другие религии. При этом предполагалось, что история может быть

воссоздана с полной достоверностью.

Этот подход был связан с поисками «исторического Иисуса» – реальной личности, стоявшей за новозаветными повествованиями, которые сами либералы считали во многом легендарными. Соответственно, подобный подход, например, у А. фон Гарнака приводил к тому, что в Евангелиях выделялась некая подлинная историческая основа, а всё остальное объявлялось позднейшей интерпретацией, а порой и домыслом. Иисус из Назарета, таким образом, оказывался исторической личностью, а вот Христос – объектом церковной веры, и один был далеко не тождествен другому.

Среди современных библеистов, пожалуй, невозможно найти таких, которые бы полностью следовали этим методам и выводам классической библейской критики. Однако в рамках этого направления возникло несколько достаточно важных школ, дисциплин, методов анализа, которые до некоторой степени применимы и сегодня, кое-что будет сказано о них и тут.

НИЗКАЯ И ВЫСОКАЯ КРИТИКА

Классическая библейская критика делилась на «низкую», к которой относилась только текстология, и «высокую», куда обычно определяли все остальные дисциплины, но сегодня такое иерархическое деление уже стало редкостью. В каком-то смысле «низкая» критика оказалась намного убедительней «высокой» – может быть, потому, что имеет дело с конкретным рукописным материалом. Кстати, на английском и немецком языках принято говорить о критике: текста, источников, редакций и т.д., – однако по-русски это слово слишком тесно связано со значением полного отрицания, поэтому по-русски часто вместо критики говорят об анализе.

Библейская текстология (или текстуальная критика) существует до сих пор, она видит свою цель в изучении всех доступных рукописных источников, установлении взаимоотношений между ними и в восстановлении, насколько это возможно, первоначального текста. Текстология со временем выработала основные принципы, например: рукописи необходимо сопоставлять между собой, чтобы выявить их относительную генеалогию; при этом учитывается не число рукописей, а их «вес», то есть древность и степень независимости от других и т.д.

В ходе своих исследований текстологи

создают максимально близкий к оригиналу критический текст. Сам по себе он является реконструкцией, т.е. не совпадает полностью ни с одной существующей рукописью, но можно считать, что во всех спорных случаях он выбирает вариант чтения, который с наибольшей долей вероятности совпадает с оригиналом. Для Нового Завета такой текст давно создан – это знаменитое издание Нестле-Аланда. Но что касается Ветхого Завета, у нас есть пока только отдельные издания еврейского и греческого текста, да и те далеки от исчерпывающей полноты. У текстологов в этом отношении еще много работы.

«Высокая критика» ставит своей основной целью восстановление истории текста (например, его приблизительную датировку) и истории фактов, описанных в тексте. Своего рода апогеем такого критицизма сыграла в середине XIX в. книга Д. Штрауса «Жизнь Иисуса, критически переработанная». Штраус постарался ис-

ключить из своей реконструкции любые детали евангельского повествования, которые считал недостоверными и неисторичными – например, все повествования о чудесах (кстати, примерно на тех же принципах основана и редакция Евангелия, выполненная Л.Н. Толстым). Разумеется, с традиционной христианской верой такой подход совершенно несовместим. По сути, это была первая ясная попытка поисков «исторического Иисуса», как будет названо это направление в более позднее время.

Ограниченность такого подхода вполне очевидна. Мы знаем, например, что Жанна д'Арк – вполне историческая личность и что она действительно добилась коренного перелома в Столетней войне. Но повествования о ней изобилуют чудесами, и если применить к ним методiku Штрауса, скорее всего, получится, что никакой Жанны вообще не существовало. Это очевидная нелепость, и точно так же

при анализе библейских текстов ученый-историк вправе делать выводы о внешней канве событий, но не об их духовном значении и уж тем более не о чудесах, которые в принципе находятся вне сферы научного знания.

Поэтому возможность реконструкции исторических событий на основании библейского текста все чаще подвергается серьезным сомнениям. Все большее распространение получает «вероятностная модель», согласно которой та или иная историческая реконструкция может быть принята лишь с определенной долей вероятности. История может даже пониматься не как попытка реконструкции событий, а как исследование коллективной памяти народа об этих событиях. В самом деле, нас скорее интересуют не точные даты жизни Авраама или Моисея, а то место, которое занимали они в сознании израильтян.

Андрей Десницкий

ТЕМ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ: "Я НЕ ВИЖУ БОГА"

Хотите знать человека, который ничего для себя не требует от жизни и всегда доволен жизнью; не заботится о своем здоровье – но полон энергии, почти без отдыха – и всегда бодр; не имеет богатства и раздает тысячи; врачует тяжело больных – не имея отношения к медицине; не гонится за славой, но всенародно известен; не ищет никаких удовольствий и всегда радостен; у кого в душе всегда мир, расположение к людям, нет никогда ни злобы, ни зависти, ни вражды, ни чувства обиды; полон смирения, но совершает великие дела; чей ум ясен и сердце открыто для всех; живет своей глубокой внутренней жизнью и в то же время полон деятельной любви к ближним и дальним?

Таким был о. Иоанн Кронштадтский, современник еще живущего старшего поколения. Где черпал свои силы кронштадтский пастырь? На страницах своего дневника о. Иоанн отвечает на наш вопрос много раз одним и тем же выражением: «Господь все для меня». Вот его слова: «Что успокаивает меня в мыслях и сердце моем, то да предается письменно в память для меня и в постоянный по-

кой сердца моего среди попечений и сует жизни. Что же это такое? Это – христианское, полное живого упования и чудной, успокоительной силы изречение: все для меня – Господь. Вот бесценное сокровище! Вот драгоценность, с которой можно быть спокойным во всяком состоянии, с которым можно быть и в бедности богатым, и при обладании богатством – щедрым, и с людьми любезным; с которой и по согрешиении нельзя потерять упования. Все для меня – Господь».

«Господь все для меня: Он сила сердца моего и свет ума моего; Он движет сердце мое ко всякому благу; Он укрепляет его; Он и мысль благую дает мне; Он – покой мой и радость; Он моя вера, надежда и любовь; Он пища моя, питье мое, одежда моя, жилище мое. Как мать бывает всем для младенца: и умом, и волей, и зрением, и слухом, и вкусом, и обонянием, и осязанием, и пищей, и питьем, и одеждой, и руками, и ногами, – так Господь все для меня, когда я совершенно предаюсь Ему.

«Господь совершеннее всего доброго, что я мыслю, чувствую, делаю. О, как беспредельно широка действующая благодать Господа во мне! Все для меня Господь, и так ясно, постоянно. Моя – только греховность, мои – только грехи.

«Господь – бытие мое, Господь – избавление от вечной смерти, Господь – вечная жизнь моя, Господь – очищение и избавление от многих прегрешений и освящение мое, Господь – сила в немощи моей, упование в малодушии и унынии моем, Господь – животворящий огонь в холодности моей, Господь – свет во тьме моей, мир в смятении моем, Господь – заступник в искушениях моих. Он – мышление мое, желание мое, деятельность моя, любви и благодарю непрестанно Господа!

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его, очищающего все беззакония твоя, исцеляющего все недуги твоя, венчающего тебя милостью и щедротами, исполняющего во благих желание твоя».

«Все для нас Господь, и мы сами по себе мало что можем сделать».

Вот какой источник сил и радости и жизни видит для себя и указывает нам о. Иоанн.

«Вот перед нами живой человек: его глаза устремлены на нас, его уши открыты к слушанию, перед нами тело и душа его, но тело мы видим, а душу нет. Не видим его помышлений, его желаний, намерений, между тем, как нет мгновения, в котором душа его не мыслила и не жила соответственным ей образом. Так точно перед нами, около нас и в нас природа видимая, весь прекрасный мир Божий; мы видим в нем везде жизнь, стройный порядок, делание, но не видим Виновника жизни и порядка, не видим Художника, а между тем, Он во всякое время есть и во всяком месте, как душа в теле, хотя и не ограничивается им. Нет ни краткого мгновения, в которое бы Он, как Дух Всесовершеннейший, Премудрый, Всеблагий, Всемогущий, Вездесущий, не мыслил, не изливался в благодати и премудрости на тварей Своих. Нет и кратчайшего мгновения, в которое Он не прилагал бы к делу Своей премудрости и всемогущества, ибо Бог есть Существо самодельнейшее, в бесконечность производящее. Итак, ты видишь мир, но видишь и примечай в нем везде Виновника его – Бога, везде в нем сущего, как исполняющего и все действующего и устрояющего».

«Вездесущие Божие есть пространственное и мысленное, т.е. везде Бог – в пространственном отношении и везде в мысленном: куда ни пойду я телесно или мысленно, везде я встречу Бога и везде мне навстречу Бог».

Эти прекрасные слова, принадлежащие о. Иоанну, разве не достаточны, чтобы убедить беспокойный ум?

Протопресвитер Михаил Помазанский

Расписание богослужений с 14 по 20 мая 2018 г.

14 мая Понедельник	Прп. Пафну́тия Боровского	
15 мая Вторник	Свт. Афанасия Великого	
16 мая Среда	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА ПАСХИ	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
17 мая Четверг	ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>
18 мая Пятница	Мц. Ирiны	
19 мая Суббота	Прав. Йова Многострадального	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
20 мая Воскресенье	НЕДЕЛЯ 6-Я ПО ПАСХЕ, СВЯТЫХ ОTCОВ I ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

(СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

КАК СПАСИТЬСЯ?

Покайся и, укрепляя силою благодатною в таинствах, ходи путем заповедей Господних по тому руководству, какое дает тебе Святая Церковь чрез благодарное пастырство. И все это должно совершать в духе веры искренней, не размышляющей. В чем же вера? В сердечном исповедании, что Бог, в Троице покланяемый, все создавший и о всем промышляющий, спасает нас, падших, в силу крестной смерти воплотившегося Сына Божия, благодатию Пресвятаго Духа, во Святой Своей Церкви. В этой жизни полагаются начинки обновления, которое в будущем веке явится во всей своей славе, так что и ум постигнуть, и язык изречь того не может... Боже наш, как велики обетования Твои!..

Как же ходить неуклонно путем заповедей? На это одним словом не ответишь. Жизнь – сложное дело. Вот, однако ж, несколько пунктов:

а) Покайся и обратись ко Господу. Познай свои грехи, оплачь их с сокрушением сердечным и исповедай пред духовным отцом, дав обет словом и в сердце своем положив пред лицом Господа не оскорблять Его более грехами своими.

б) Затем, пребывая в Боге умом и сердцем, трудись телом в исполнении лежащих на тебе обязанностей.

в) В этом труде паче всего блюди сердце свое от худых помыслов и чувств – гордости, тщеславия, гнева, осуждения, ненависти, зависти, презрения, уныния, пристрастия к вещам и лицам, рассеянности, многозаботливости, всех чувственных удовольствий и всего того, что отделяет от Бога ум и сердце.

г) Чтоб устоять в этом труде, положи наперед не отступать от того, что сознаешь должным, хоть бы умереть пришлось. Для сего, с самого начала, произволением

приноси живот свой в жертву Богу, чтобы жить так, как бы ты не был жив себе, а только единому Богу.

д) Подпорою жизни в этом порядке служит смиренное предание себя в волю Божию и ненадеяние на себя, а духовное поприще, на котором совершается эта жизнь, есть терпение, или непоколебимое стояние в порядке спасительной жизни, с благодушным перенесением всех сопряженных с тем трудов и неприятностей.

е) Подпорою терпению служат: вера, или уверенность, что, работая так Богу, ты – раб Его, а Он твой Владыка, Который видит твои труды, благоугождается ими и ценит их; надежда, что помощь Господа Бога, присно покрывающего тебя, всегда готова тебе и низойдет на тебя во время благопотребное, что Бог не покинет тебя до конца твоей жизни, и, сохранив тебя верным заповедям Его здесь, среди всех искушений, введет чрез смерть в Царство Свое вечное там; любовь, которая, денно и ночью помышляя о возлюбленном Господе, всячески заботится творить одно угодное Ему и избегать всего, что может оскорблять Его в слове, деле и помышлении.

ж) Орудия такой жизни суть: молитва церковная и домашняя, паче же умная, посильный пост по уставу Церкви, бдение, уединение, телесный труд, частое исповедание грехов и святое причастие, чтение слова Божия и писаний отеческих, беседа с людьми богобоязненными, частое совещание с своим духовным отцом о всех случаях внутренней и внешней жизни. Учредитель всех сих подвигов в мере, времени и месте есть благоразумие, с советом опытных.

з) Огради себя страхом. Для сего помни последняя – смерть, суд, ад, Царство Небесное.

и) Более всего, внимай себе: храни ум трезвым и сердце несмущенным.

й) Последнюю же метою поставь возгорение духа, чтобы духовный огонь возгорался в сердце твоим и, собрав все силы

воедино, начал созидать твоего внутреннего человека и окончательно погасить терние твоих грехов и страстей.

ВСЕ ИЩУТ

Осмотришься кругом и увидишь, что все ищут. Сам апостол говорил о себе: «Гоню, спешу, стремлюсь, ищущу». Без искания жизнь не жизнь. От чего так? От скудости естества нашего, или поминутной его оскудеваемости. Чувствуя оскудение, невольно ищешь чем пополнить оскудевающее. Чувство это есть возбудитель искания. Искомое всегда есть нечто такое, чем чаешь пополнить пустоту свою; оно составляет цель. Чаение, что оно действительно способно и сильно удовлетворить, или дать чаемое от него поддерживает искание и труд в придумывании средств и приведении их в исполнение. Такова общая форма жизни всех живущих на земле. И у скрывшегося в глубокую пустынь, и у живущего в полной суете мирской круговращения жизни одинаково. Разница – в содержании: в возбудителе, в том, какого рода чувствуемая скудость, в средствах, коими надеются достигнуть чаемого, в последней цели, то есть в том, чем чают пополнить ощущаемую скудость. Разного рода искатели у нас перед глазами. Спрашивается: кто же попал на прямую дорогу? Должно быть тот, кто чувствует, что восполняет свою скудость своим способом искания и вследствие того успокоивается, имеет покой в самом искании. Кто именно таков, всякий догадается. Но то диво, что и те, которые не перестают чувствовать снедающую их скудость при всех усиленных исканиях, не переменяют неудачного искания, несмотря на осязательную неудовлетворительность его; думают: авось впереди оно станет лучше и даст то, что чается. А так как это впереди все отбегает, как завтрашний день, – то они безустанно ищут, ищут и никогда не находят. И растолковать им это нельзя. Такое горе!